РЕЦЕНЗИИ

С. Л. Фокин

Н. А. Грякалов. **Жребии человеческого: Очерк тотальной антропологии.** СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 438 с.

Книга философа и социального антрополога Н. А. Грякалова (1978–2014) являет нам беспокойный опыт мысли в столкновении с немислимым, каковое в действительном мире отличается всё более противоестественными изменениями того извращения природного сущего, каковым, согласно центральному тезису монографии, оказался антропогенез. Работа поражает необыкновенным для русского философа вниманием и тщанием, с какими автор обходится с родным языком: некоторые пассажи книги завораживают подлинной слаженностью, или сработанностью, языка и мышления, отличающей всякое собственно философское начинание, устанавливающее в письме соответствующий режим отношения к истине. Например, в первой части монографии, выразительно озаглавленной «Арматура антропосферы», решается задача представить орудия и средства обустройства «человеческой вселенной», где это обустройство сразу выражается в терминах катастрофы или выпадения человеческого из природного. Однако по ходу углубления в текст читателю предстоит убедиться, что «арматура» здесь — не столько «стальной каркас», как подсказало бы ему первое по порядку значение лексемы в современных умах и словарях и которое соотносилось бы со слишком ригидной структурой человеческого, точнее, слишком человеческого становления самим собой, избранного предметом рассмотрения в книге, сколько более исторически и культурно маркированные

«оружие и доспехи» и вместе с тем — «композиции из предметов вооружения и воинского снаряжения». Так в одном удачно подобранном слове определяются и метод, и рассуждение, складывающиеся из постоянного выбора, набора и перебирания (бриколяжа) разного рода аналитических подходов, дискурсивных практик, критических прочтений и собственно философского смыслополагания, способствующих открытию того, что в авторском введении философ определяет как «штреки»: разнообразные лиминальные образы поведения/вёдения (лабиринтные блуждания и умственные заблуждения, каннибализм и эротизм, проклятие и святотатство), лиминальные состояния (опьянение, одержимость, религиозный или эротический экстаз), наконец, лиминальные персонажи (король и шут, ведун и колдун, аскет и атлет). Страстью к слову, в котором работает мысль, определяется тенденция к законченному и вместе с тем эллиптическому и потому все время двусмысленному афористическому повествованию-рассуждению, в которое сам себя и своего читателя со всей ответственностью вовлекает философ, ищущий побегов живой жизни и роста формы и потому нам предписывающий: «...всегда охотиться (а *эстезис* — охотничий термин) за оптимальной живой формы. Выгляда как аскет, быть атлетом. В любом случае силы должны быть собраны в фокус, где связывается интенсивность жизни-мышления» (с. 54).

Опыт жизни-мышления немислим «без записи», собственно говоря, книги, каковая, неизменно приобретаая вид лабиринта и, соответственно, блуждания, также включает в себе риск заблуждения, что неоднократно

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

побуждало иных мыслителей отвергать книжную мудрость, книжные формы упражнения сознания. Н.А.Грякалов, провозглашая, что рассматривает человека в виде ошибки природы, активно выступает против доморощенной премудрости и «воскресных философов» (А.Кожев), по-новому утверждая университетскую философию в виде истинно «веселой науки» и, самое главное, как незаконнорожденное детище искрометного «философского сообщества», где дружба, вражда, соперничество вкупе или попеременно играют эту роль «изумления», с которого начинается мысль как таковая (см. слова благодарности коллегам по философскому цеху, равно как признание влияния «Коллежа Социологии»).

Метод выбора, набора и перебирания разного рода аналитических подходов, дискурсивных практик замечательно отражается в оглавлении монографии, где через пары взаимодополняющих или взаимоисключающих понятий выстраивается своеобразная номенклатура человеческого: «люди и звери», «шаблоны и вариации», «глоттогенез и шизофрения», «техники тела/техники души» и т.п. В плане композиции философского рассуждения автор, наверное, прав, утверждая через остроумный оксюморон, что создает «классическую модернистскую работу» (с. 16); тем не менее внимательное знакомство с текстом подтверждает первые впечатления от монографии: установка на мыслительное новаторство явно преобладает над данью философской архаике или классике. Классическая философская мысль, взятая, например, в фигурах Лейбница или Канта, Гегеля или Шеллинга, Соловьева или Кожева (анти-Гегеля), поворачивается здесь в сторону тех спадов или подъемов существования, которые если и не противопоказаны логосу, то отзываются больше в возгласе, крике или песне, какковые соответствуют тем или иным формам ИСС (измененным состояниям сознания). «Вспомним различие Кожева/Гегеля между животным и человеческим желанием. Животное желание работает в три такта: вождение — разрушение — наслаждение (движение ассимиляции предмета). Животное желание ориентировано на вещь, которую оно разрушает и которой оно наслаждается. Антропогенное желание ориентировано на желание

признания, “разбросанное” во всех человеческих основофеноменах — в труде, войне, игре, эротике» (с. 290). Приведенное соображение философа не сводится к возможному и явно обманчивому впечатлению, что классическая философская рефлексия подменяется здесь модернистской вариацией на темы философии траты, отталкивающейся от той философии производства, воспроизводства и накопления, к которой склоняется всякая философия беспросветного капитализма: речь идет, в конечном итоге, о сознательном выборе, подразумевающим отправление разума (подобно отправлению культа) буквально в противоестественных условиях существования. С другой стороны, действительно работая в режиме «жребия» и словно повинаясь закону Малларме, согласно которому «бросок игральных костей никогда не упразднит случайности», мыслитель порой буквально выхватывает *наудачу* куски реальности, отраженной в дискурсах, практиках и техниках человеческого существования, предупредительно напоминая, что познание идет не только от складываемого и архивированного знания, но и от азарта настичь то, что видится (или мнится) истиной: «Ведь понятие — это, вообще говоря, сеть, невод¹. А понимание тогда — род “охоты с помощью силков и ловушек”, поставленных в смутной надежде на то, что животное реальности будет столь неосмотрительным, чтобы угодить в них» (с. 49).

Взгляд «на катастрофический, взрывной характер» становления человека собой, последовательно проведенный в монографии, позволяет обнаружить онтологический парадокс сотворения человеческой вселенной: человек становится собой не иначе как через разного рода техники выхода из себя. В сущности, в этом заключается один из главных и один из самых сильных тезисов книги — вступление человека в собственно человеческое осуществляется на радикально «пустом месте», по крайней мере, именно постольку, поскольку он ничтожит или, по выражению

¹ Греч. *katalepsis* (от *katalambano* — «схватываю»); лат. *conceptus* (*con-cipere*, форма которого является производной от *capere* — «брать», «схватывать», «постигать»); нем. *begriff* (от *greifen* — «хватать»). (Прим. автора монографии).

Н. А. Грякалова, «защищает» животность в себе: «На этом пустом месте возводится здание человеческого, в том числе и из поломанных животных машин, которые мы узнаем, и на этом основании начинаем спекулировать о связи человека и животного. Однако это — просто детали разрушенного “окружения”, из которого сформирует себя и свой “мир” человек-бриколёр» (с. 5–6).

В свете этого положения действительно существенными в плане, например, философской антропологии представляются рассуждения Н. А. Грякалова о семиозисе ритуала. Развивая теоретические положения культурной антропологии позднего Ю. М. Лотмана, автор монографии выстраивает убедительную картину символического преобразования животности человека: «Центральной функцией ритуала можно считать преобразование отприродных событий (рождения и смерти, потребления пищи и наступления половой зрелости) в события семиотические: так появляется способность пролонгировать кратковременное (допустим, рождение и смерть) и, наоборот, сворачивать процессы в точку (взросление — в инициацию). Трансформация биологии в семиотику дает возможность управлять ею посредством ритуала: природная данность становится данностью символической...» (с. 101–102).

Примеры безусловных удач философа-охотника, в образе которого следует распознать не только ловца всякого рода дичи, но и того мыслителя, для которого всякая охота пуще неволи всякой дисциплинарности, можно множить до бесконечности, но наиболее существенным и проблематичным,

с моей точки зрения, представляется именно образ философа, который пытается мыслить *состояния-вне-себя* и который предопределяет своего рода авторскую арматуру всей книги «Жребии человеческого». Действительно, задавая вопрос нормативной онтологии или нормативной феноменологии о самом феномене ненормального, философ не только рискует сопринадлежностью дисциплине — он пытается включить риск в опыт мышления и тем самым добивается той новизны постигаемого, без которого немислима никакая философия, без которого она обрекает себя на тупоумие, недомыслие и немоту: «Разговор о “норме” сознания — это прежде всего не-разговор о лиминальности. Умолчание о территории и границах, об окраинах и межах, об актах разделения (а ведь “понятие” — не только “сеть”, но и “рубеж”, “terminus”). То, с чем вообще-то метафизика имеет дело изначально — в виде ли платоновской проблемы сегрегации ложных претендентов, в виде ли кантовского вопроса о границах разума или хайдеггеровского онтико-онтологического разделения. Развертка на присутствии высвечивает пограничные ситуации жизни, проходя через которые мы модифицируем свой способ быть. Перед нами кризис, перелом, преодоление порога, суть которых — в производстве готовности к резким переменам участи. К судьбе» (с. 53). Одно из главных достижений и несомненная ценность книги «Жребии человеческого» определяются весомым опытом философской валоризации самой готовности мыслителя помыслить немислимое, дать имя неименуемому, изведать на себе неизведанное.

Фокин Сергей Леонидович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой романских языков и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, Москательный пер., 4; serge.fokine@yandex.ru

Fokin Sergey L. — PhD, Head of the Department of romance languages and translation, Saint-Petersburg State University of Economy, 4, Moskatelnaya per., St. Petersburg, 191023, Russian Federation; serge.fokine@yandex.ru

Для цитирования: Фокин С. Л. Рецензия на книгу: Н. А. Грякалов. Жребии человеческого: Очерк тотальной антропологии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 438 с. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 3. С. 112–114. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.314

For citation: Fokin S. L. Book Review: N. A. Griakalov. Lots of human: Study of the total anthropology. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2015. 438 p. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict studies studies. Culture studies. Religious studies*, 2016, issue 3, pp. 112–114. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.314